

Александр Берг

НАДЕЖДА-ПРИМ

Когда к полуночи тучи расступились, стало очевидно, что звёзд за ними нет. Редкие фонари да кое-где горящие мусорные баки — вот и всё, что в этот миг освещало двор, Артиллерийскую улицу, а, может быть, и весь город. За насыпью прогрехотал ночной поезд. Пошёл густой снег. Потом, как будто передумав, замер в абсолютной темноте, не долетая до земли, потом совсем исчез. Снег был на вкус солоновато-горьким и скрипел на зубах.

Оббитая железом дверь одного из подъездов вдруг отскочила в сторону, из темноты выпал мужчина, едва удержался на ногах и встал, как вкопанный. За ним, словно вытолкнутый наружу, показался другой. С разгону налетел на спину первого. Оба коротко выругались, взмахнули руками, повернули направо и, шатаясь, пошли к арке, соединяющей двор с улицей. По пути первый остановился у большого, до самых высоких крыш, дерева, и наспех обтёр руки о мокрый шершавый ствол. Второй нетерпеливо потянул его за рукав.

Около входа в арку они разом оглянулись, их передёрнуло и кулаки сжались сами собой. У двери того подъезда, из которого они только что выскочили, стояла странная перекособоченная

фигура. На фигуре похоже не было ни шапки, ни пальто, а лицо казалось совсем чёрным.

Человек у подъезда несколько секунд ожесточённо тёр невидимые глаза, взвывая и тряся головой, как собака, сдирающая с морды ненавистный намордник. И вдруг бросился навстречу тем двоим у арки. Бежал он как-то боком, иногда почти на четвереньках, но удивительно быстро.

— Чёрт! — заметался один из них и нырнул в чёрный проём, но тут же выскочил оттуда: свод арки прочертили проблесковые огни, и сразу же, как гром после молнии, где-то на улице взвизгнула тревожная сирена.

Двое, круто развернувшись, побежали по двору, мимо заброшенной хоккейной площадки, туда, где в клубах оранжевого дыма догорали мусорные баки. Тот, кто гнался за ними, едва не настиг их у самых костров, но поскользнулся и, его вытянутая вперёд рука, схватила пустоту.

Грязный снег противно чавкал под ногами. Убегающие не знали двора, и он казался им бесконечным. От страха они забыли, что их двое, а у них за спиной всего один крошечный человечек, без пальто и шапки, в белой рубашке с закатанными по локоть рукавами.

Но это... чёрное лицо! И то, что человек, неотступно преследующий их, никак не мог их

преследовать, потому что... потому что пятнадцать минут назад был уже мёртв! И они знали это точно! И точнее них мог знать это только Господь или... он сам. Если бы, конечно, был жив! Но он был мёртв! Мёртв! Мёртв! Как этот чадящий мусорный бак, как скользкий обломок чьей-то кости, о который он только что споткнулся.

— Туда! — запалено выдохнул убежавший и махнул рукой в дальний конец двора. — Там арка...

Другой хотел сказать, что никакой арки там нет, но скулы свело, и он только в отчаянии крутанул головой.

Теперь под ногами что-то страшно пицало и цеплялось за штаны, как будто бежали по крысам. Одичавшая кошка рванула в сторону, как из-под колеса. Воздух пропах могильником, хотя и этот двор, и Артиллерийская улица находились в самом центре большого города. В смутное время все города, улицы и дворы пахнут одинаково. В доме напротив вспыхнуло окно: там сейчас, наверняка, пытались вызвать «скорую помощь». «Скорая», вероятнее всего, приедет под утро и вконец заморенный фельдшер, на ходу засыпая, зло глянет на пациента, потом тихо ругаясь, позвонит с его же телефона на подстанцию: труп до приезда, мать вашу!

Они уже бежали из последних сил, но тот, кто гнался за ними, не отставал. Его прерывистое,

похожее на стон, дыхание шумело у них в ушах, и от него несло не потом, а свежей кровью.

Не оглядываясь, двое добежали до самого конца двора. Им повезло: арка, действительно, была. И под её потолком даже горела красная лампочка. Они, не сговариваясь, рванули в подворотню и, буквально, налетели на закрытые наглухо чугунные ворота: литые, решётчатые, с острыми шипами наверху. От удара двух тяжёлых тел ворота даже не дрогнули. На стене в тусклом кровавом свете красовалось нацарапанное углем: «смерть предателям великой державы!» и «Горбачёв — иуда!»

Через секунду в арку, шатаясь, вошёл он. С жутким любопытством разглядывали они приближающийся к ним призрак. Только теперь лицо его было не чёрным, а сплошь тёмно-красным. Левый глаз вытек и был размазан по давно небритым щекам. Ключья грязно-белой рубахи облепили дрожащее тело. Он что-то угрожающе мычал и тянул к ним руки. В правой был зажат острый кухонный нож. Он держал его как-то неуклюже, остриём к себе, как будто только что выдернул из своей окровавленной груди.

Двое у ворот переглянулись, и что-то в глазах друг у друга окончательно добило их. Один из них стал одержимо колотить затылком в ворота.

— Отдай ему всё! Отдай ему всё! — как затравленный урка, истерично завопил он.

Но второй с ним не согласился.

— Сам отдай! — озлобился он, сорвал с головы шапку и насухо вытер ею мокрое лицо. — Ему всё, а нам — хер? Не пааа-родственному!

Бросил шапку на землю, сплюнул и по-медвежьи пошёл прямо навстречу ножу.

Часть 1

Глава 1

Директора базы отдыха «Родничок» послезавтра ждал трудный день: первый летний заезд, открытие сезона, можно сказать, премьеры. И, конечно, самым заветным желанием товарища Мокрова на послезавтра была хорошая погода. А синоптики, как раз обещали плохую. С грозой и ливнем на весь день.

И это ещё ничего! Потому что в середине мая синоптики наобещали необыкновенно жаркие выходные, как в пустыне, впервые за последние сто лет. Клялись, что прогноз чуть ли не от Господа Бога! Ну все и рванули на самые далёкие леса и озёра, потому что вблизи уже давно ни купаться, ни ловить, ни охотиться категорически нельзя. Даже, если разрешено! В воду сбрасывают такое, что

страшно подумать: говорят, даже радиоактивные фекалии!

Народ бросился отдыхать ещё в пятницу вечером, а в субботу утром температура резко упала ниже нуля, шибанул мокрый снег с градом, от шквального ледяного ветра у собак вставала дыбом шерсть.

Особенно повезло рыбакам. Арктический шторм сделал невидимыми берега озёр, переворачивал лодки, превращал людей в живые сосульки. Двум рыбакам потом пришлось что-то там ампутировать, а четыре моторки, вообще, пропали без вести.

Мокров давно понял, что прогноз погоды — всегда сюрприз. Как знакомство с детьми молодой жены-девушки в первую брачную ночь. И какая в действительности будет погода известно разве что в режимном отделе родного предприятия. Ну и в партийных инстанциях, разумеется.

— Товарищ Мокров! — прикрикнул он, как обычно, на самого себя и даже притопнул ногой. — Какого чёрта! Матч состоится при любой погоде! Кто против? Воздержался? Принято единогласно!

С самим собой директор не церемонился. Говорил всегда жёстко, по-партийному. За это сам себя уважал и считал человеком дела. А как же иначе! Когда в стране — бардак, голодные крысы бегут из пекарен и мясокомбинатов, эки боятся

выходить на волю, министры из Москвы приезжают советоваться с народом, а народ с отчаянья уже не пьёт, а на последние гроши записывается на какие-то самоубийственные курсы Шичко, а это не иначе, как перед концом света!

Недавно надумали переизбрать, шутка сказать, самого генерального директора! А он лично назначен Москвой, номенклатура, а завод — оборонный, закрытый, без адреса и названия, просто почтовый ящик с десятизначным номером! Ни цехов, ни отделов — одни секретные объекты.

Его, Мокрова, база отдыха — тоже объект. И отдыхающие сюда приезжают строго по спискам, утверждённым отделом кадров и лично заместителем генерального по режиму.

Котлован под сауну недавно отгрохали, как могильник под атомную электростанцию! База строилась в легендарные тридцатые руками спецпоселенцев вместе с заводом. И кто его знает, что под ней! Не завод ли двойник на случай ядерной войны?

А что? — кругом лес, озеро Кисегач, рядом таинственный Ильменский заповедник — тоже, поди оборонного значения. Мокров там как-то был, случайно: целые поляны большущих белых грибов и ягод, егеря говорят, для зверей. А зверей-то и нет... Ни одного! Нигде!

Но это всё Мокрова не касается. И котлован под сауной тоже. А вот сауна — касается, и строилась она под его неусыпным присмотром по приказу самого генерального директора, а может, и министерства среднего машиностроения. Всё, так сказать, для трудящихся. Конечно, всех трудящихся там не перепаришь, их даже по открытой информации тридцать тысяч. Так что, только отдельных представителей, то есть, самых преданных и достойных.

Но сауна у Мокрова — ого-го! Мировая сауна! Сахара! Может быть, лучшая в области, а может, и во всей Финляндии! Поэтому если, не дай бог, послезавтра дождь или снег, трудящихся — в недостроенный кинотеатр, а их представителей во главе с генеральным директором, само собой разумеется — в сауну. Парок там — чистейший, после него ничего не страшно: ни дождь, ни грязь, ни радиация, ни эта, прости Господи, Горбостройка!

Но это всё — прошлогодний снег. Мокров посмотрел в стоящее напротив стола большое зеркало и скорчил смешную рожу. Собственное отражение в зеркале не рассмешило, скорее, напугало. Таким он себя ещё, кажется, не видел. На голове определённно стало больше седых волос! Или нет, волос, вообще-то, стало меньше, и все они —

седые! Куда же это годится: лысый и седой! Это же гораздо хуже, чем просто лысый!

— Тогда пускай выпадают все! — обиженно буркнул директор. — Все, как один! Седых не жалко!

А всё из-за этих кур! Вечером у него, понимаешь, званый ужин. Приглашена вся родня. А это без малого человек тридцать. Разумеется, без детей и совсем дряхлых стариков. Такая большая родня! Как в Средней Азии! Предстоит, можно сказать, генеральная репетиция послезавтрашней премьеры. А курей для «цыплят табака» нет! И где их взять, если каждую курицу на птицефабрике отпускают по именному указу самого председателя облисполкома. Теперь всё — только по именному указу! В стране — опять военный коммунизм, революция пожирает своих детей! Это как-то можно понять... но при чём тут куры!

Мокров вышел на каменное крыльцо дирекции. Тяжёлые, высоченные сосны подпирали территорию базы с трёх сторон, загораживая небо. С четвертой стороны — тёмно-зелёное озеро Кисегач. Зимой его можно вдоль и поперек перейти на лыжах, а летом — вплавь не переплыть. Вода и в самый адский зной прогревается только у берега, а дальше — смертный холод до самого дна. Даже с борта лодки или катамарана смотреть на воду страшновато — притягивает, как омут.

Когда шёл к озеру, под ногами скрипели шишки и жёлтая прошлогодняя хвоя. Белка стремительно пробежала по сосне почти до самой верхушки, уронив на голову ядрёную шишку. Ему показалось, что специально. Шишка, как осколок снаряда, просвистела у самого виска. Мокров погрозил белке пальцем.

— Дура хвостатая! Чтоб тебя!

Белка обиделась, заносчиво вильнула хвостом и перепрыгнула на другое дерево.

На берегу озера товарищ директор разулся и пошёл по песку босиком. Песок был жёсткий и холодный, какой-то лунный.

Одно время Мокров считал себя верным учеником загадочного русского знахаря Порфирия Иванова. Для этого регулярно посещал клуб его имени и по ночам читал «Детку». Утром, как завещал учитель, выливал на голову ведро ледяной воды, и, приподнявшись на цыпочки и воздев руки к небу, пытался вдохнуть в себя космические потоки.

Наконец, тело и душа изнемогли в борьбе с самими собой. Как-то раз, набрав поутру полное ведро студёной воды, он долго мучительно исследовал его дно, испытывая нарастающий ужас и сердечную дрожь, потом с отвращением плюнул в ведро и вылил воду прямо на вытопанную цветочную клумбу.

Но по-прежнему ходил босиком по мокрому песку лесного пляжа, изредка с надеждой поглядывая в небо. А знакомых убеждал, что, мол, Учитель сам запрещал чинить насилие над собой и советовал прекращать любое дело при первом же появлении внутренней дрожи.

У директора же базы отдыха внутренняя дрожь почему-то возникала всегда до начала всякого дела. При одном взгляде на ведро ледяной воды или февральскую прорубь. Дальше шло сплошное насилие.

Стоя у воды, Мокров долго разглядывал противоположный берег, но думал совсем не о нём. Ему пришла в голову поистине космическая мысль: а не накрыть ли сегодня столы прямо на пляже?! Тогда и без «цыплят табака» будет вполне романтично.

Но он тут же содрогнулся от другой, не менее грандиозной мысли, что подвыпившие гости, чего доброго, перетопят друг друга в озере! При плохой закуске и этого самого... полусухового закона люди не то, чтобы разучились культурно пить, но совсем озверели.

По собственным голым следам Мокров вернулся назад, обулся и потопал завтракать к своему домику, стоявшему на самом краю базы, буквально рядом с новой сауной. На пороге его уже поджидала жена с его, Мокрова, дорогой тещей, и

такой же старой, здоровенной бельгийской овчаркой Соней. Соня когда-то была очень злой и даже время от времени покусывала хозяев. Но это было так давно!

Мокров издалека привычно помахал всем им рукой. Жена что-то крикнула собаке, показывая в сторону хозяина, но Соня только безразлично перевела мутные глаза с жены на мужа и безлобно оскалила стёртые клыки.

Подойдя к родным, Мокров кисло оглядел с ног до головы тещу, но тут же чересчур радушно развёл руками и произнёс свою любимую, на все случаи жизни, фразу:

— Они жили долго и счастливо, и умерли в один день!

Глава 2

Надежда Викторовна Коробейникова с раннего утра была недовольна и жизнью, и собой. Едва открыв глаза, она с ужасом тут же закрыла их. Господи, что это такое — проспять выгул собаки, опоздать на работу и никак не вспомнить, какой сегодня день! А вдруг это — климакс? В сорок-то три года! И она уже — не женщина! И не человек! А что же?

Чтобы хоть как-то прийти в себя, Надежда Викторовна натянула на руку шерстяную перчатку

и стала безжалостно растирать согнутые в коленях ноги. Ноги за ночь отекли безбожно! Надежда Викторовна тёрла изо всех сил, не обращая внимания на боль, но когда кровь, наконец, прилила к ногам и устремилась в голову, ей стало совсем плохо.

Она внезапно вспомнила, что собака сдохла ещё три месяца назад, на работу идти не нужно, потому что нужно — в суд: выбивать зарплату за последние полгода. С некоторых пор все предприятия города выдавали зарплату только по решению суда. Но самое печальное — оказалось, что сегодня — суббота, а в субботу, как известно, суд закрыт.

— Ну вот и всё! — злорадно подытожила Надежда Викторовна, щелчком сбив с груди присосавшегося к ней комара. — Скажите пожалуйста! И куда же прикажете идти, когда идти абсолютно некуда!

Со злости Коробейникова снова плотно сомкнула веки, и ещё не прожитый день тут же промелькнул перед глазами, как вся прожитая жизнь за секунду до смерти.

— Скажите пожалуйста! — изумлённо прошептала Надежда Викторовна, как будто видела всё это в первый раз. — Всегда — одно и то же! Не жизнь, а какая-то каша-размазня!

Она с детства любила манную кашу с селёдкой и помидоры с сахаром, а кофе и горькую клюкву, наоборот, без сахара. Чтоб было всё не как у людей! Как у людей было скучно и противно.

Но в последние годы пришлось жить, как все, потому что не стало ни манки, ни селёдки, ни помидоров, ни сахара. А кофе и клюква и раньше-то приобретались только по великому случаю где-нибудь в Москве или Ленинграде, в длиннющих очередях, медленных и торжественных, как очередь в Мавзолей. А ещё в закрытых номерных городах, «номерах». Там — всё без очередей, но только для избранных.

Кое-что, правда, ещё и сейчас можно было купить на Центральном колхозном рынке, прямо под окнами её дома. Но это если суд прикажет директору ЧТЗ выдать ей зарплату за последние полгода и не товарами собственного производства, унитазами или там гробами, а в рублях.

Но только ей одной! Потому что если зарплату выдадут сразу всем, через минуту рынок станет стерильно чист, как пустые прилавки никому не нужных теперь магазинов! А магазины пусты — хоть не запирай на ночь!

Надежда Викторовна попыталась представить себе, что было бы, если бы по решению суда вся страна вдруг получила зарплату за полгода. И не смогла!

От обиды за народ она той же шерстяной перчаткой докрасна растёрла лицо и шею, но вынуждена была признать, что экономика её несчастной родины всех никак не выдержит, и ради её спасения она даже готова не пойти в суд и получить зарплату строго в порядке очерёдности и по мере возможности!

Встав с кровати, Коробейникова первым делом выглянула в окно. Колхозный рынок был не по-субботнему тих и немногочлюден. Лишь два фургона стояло у раскрытых настежь ворот и редкие покупатели робко бродили вдоль полупустых торговых рядов. В крытый павильон почти никто не заходил.

— Мерзость запустения! — не без удовольствия изрекла Надежда Викторовна, с отвращением уставясь в дальний угол рынка, где какой-то торговец кавказской национальности ожесточенно размахивал руками.

Правой рукой за уши была прихвачена ободраная тушка то ли кролика, то ли зайца, которой он тыкал прямо в лицо ошарашенного клиента. Тот испугано отбивался, но торговец не отставал, и даже под конец выскочил к нему из-за прилавка.

При взгляде на всё это безобразие Надежде Викторовне припомнилась вычитанная где-то картина средневекового рынка. С первыми же

лучами солнца, и даже ещё затемно, к рынку начинали стягиваться вереницы арб, телег, дровень, ослов, верблюдов и просто ручных тележек, гружёных кто оскаленными свинными или говяжими тушами, кто бочками различных солений, браги, подсолнечного и оливкового масла, кто целыми штабелями переложеной грязным льдом свежей рыбы, кто просто вязанками хвороста, связками сушёных грибов и фруктов.

Всё это, конечно, слегка припахивало, проще говоря, страшно воняло и выглядело порой совсем неаппетитно, зато к своему открытию во мраке средневековья рынок был до отказа забит всякой съедобной и несъедобной всячиной, где на рубль было, что выпить и закусить, а за головами не видно пустого места.

От всех этих грез Коробейникова сперва по-кошачьи прижмурилась и облизнулась, а затем вконец расстроилась. Как однако странно: даже во мраке средневековья были, оказывается свои маленькие прелести! По-крайней мере, голод был голодом, вонь — вонью, и все знали, что воон в той кузнице куют мечи, в этой — орала, а в эту позорную бочку собирают со всего города, уж простите, говно!

А что теперь? Вот она работает в лаборатории на всемирно известном танковом заводе, который здесь почему-то искренне называют тракторным,

хотя уже пару лет все сто тысяч его трудящихся не делают ни того, ни другого, а вовсю занимаются бартером китайских пуховиков и югославских обоев, она же каждый божий день торчит в своей лаборатории в ожидании какого-то Страшного суда, который заставит дирекцию продать последний станок, чтобы расплатиться с нею теперь уже неизвестно за что, хотя все сто тысяч трудящихся ЧТЗ знают, что теми рублями, что ей дадут можно смело набить подушки и толкнуть китайцам в обмен на их дерьмовые пуховики.

Надежда Викторовна поставила на газовую конфорку чайник со свистком. В инструкции к чайнику говорилось, что свисток должен высвистывать любимые мелодии советских композиторов. На самом деле он ревел, как ревун портового буксира в тумане. Да и то, только один раз, когда она забыла чайник на плите. Целый час пока вода медленно испарялась, а чайник потихоньку плавился, свисток молчал, а потом взревел и замолк навсегда.

В Советском Союзе ведь что главное? Главное — не быть самим собой. Поэтому чайники режут, попугаи матерятся, армия убирает урожай, а гражданка Коробейникова...

Оставив чайник докипать, Надежда Викторовна прошла в залу и включила телевизор. И сразу же во весь экран, выползая из какого-то

чудесного ларца, торжественно завздымались — все выше и выше — три огромные буквы М. МММ! В зловещей тишине, без всяких лишних слов — этакий гигантский частокол из трех остроконечных букв, как будто у одного входа сразу к трем станциям метро!

— Ссккажжжете пожалуйста! — от неожиданности икнула Коробейникова.

И в это время на кухне, как от ожога, взревел только что поставленный на огонь чайник.

Глава 3

А в час ночи с пятницы на субботу в железную дверь квартиры на третьем этаже дома по улице Сталеваров позвонили. Первым вскочил со своей подстилки почти невидимый в темноте черный ротвейлер. До хруста прогнувшись и утробно рыча, сверкнул глазами в сторону дивана, где спали хозяева.

Хозяйка, крупная, молодая, приятной полноты, с круглым, по-детски наивным, лицом, испуганно приподнялась на локте в постели, но мужа будить не стала, а прямо в измятой ночной сорочке подошла к двери и заглянула в глазок. Ротвейлер был уже у нее под рукой и, дрожа от еле сдерживаемой ярости, ждал команду к атаке. Но рука хозяйки, сперва напряжённая, быстро

расслабилась и безмятежно похлопала его по налитой шее. То, что увиделось в глазке не вызвало тревоги: за дверью были свои.

Смешно сказать, чтобы хозяйка очень уж обрадовалась столь поздним гостям, но раз пришли, значит, случилось то, что не может ждать до утра. Тем более, что утром они мужем снова уезжают в Турцию за товаром, и доллары, занятые у друзей и в банке ещё с вечера упрятаны в потаённые места.

Конечно, кое-что найдут на таможне. Так положено. Бедные русские таможенники только тем и живут, что понемножку грабят бедных русских же челноков. Лучше бы грабили депутатов Верховного Совета! Но те за своё добро держатся крепко! И за своё и за чужое, «народное», как за свое! Недавно смотрела по телевизору: депутат Сумин, между прочим председатель её облсовета, так вцепился в казённый микрофон, что спикер Хасбулатов вынужден был лично его одёрнуть:

— Товарищ Сумин! Да оставьте вы микрофон в покое! Что вы в него так вцепились, как... во что-то! Ну что вы хотите такого сказать, чего мы ещё здесь не слышали? Да отключите ему, наконец, микрофон! Отключили? Прекрасно! Теперь пусть говорит!

Однако, какая хватка! Прямо ротвейлер, сука!

А эти, что за дверью, родственнички, тоже с нею в доле. Может решили добавить? Или, упаси

Бог, отнять! За пять-то минут до отъезда! Но это же все равно, что спрыгнув с пятого этажа, вдруг передумать!

«Может притвориться спящей, — подумала хозяйка, — или как будто нас уже нет?» А что: позвонят-позвонят и смоются! Но вместо того, чтобы уйти в комнату, по привычке окликнула:

— Эй, кто там? Че надо?

— Да свои, Олька! Ты че, ослепла! Протри окуляр! Есть дело!

— А че так поздно? Я уже сплю!

А с кем? — пошутили за дверью. — Ну ладно, открой! А то уйдём, хуже будет!

— Дураки! — забеспокоилась Ольга. — Че орете! Соседей разбудите! Я счас!

И слегка пнув ротвейлера ногой в бок, скомандовала:

— Рекс, на место! Отбой воздушной тревоги!

Потом, уже в спальне, накинула на плечи импортный велюровый халат и наклонившись к мужу, нежно прикусила ему мочку уха:

— Подъем! Да вставай же! — горячо зашептала она.

— Отстань! — спросонья отмахнулся супруг. — Чё там? Менты, что ли?

— Да родственнички! Приперлись, как татары! Может, за своими деньгами! Так ты,

слышь, не отдавай! Скажи, что уже всё далеко упаковано! Всё — в деле!

Через минуту хозяева уже встречали незваных гостей: двоюродного брата с женой и общего друга всех Астаховых Ивана. Как всегда в таких случаях неизвестно каким чертом на столе тут же возникла бутылка «Московской», а хозяйка, не долго думая, притащила с кухни всё, что приготовила на утро: две жестяные банки «Завтрак туриста», тарелку с квашеными огурцами, полбуханки черного хлеба и с десяток сваренных вкрутую яиц.

Иван, кажется, обрадовался огурцам больше, чем водке:

— Ого, огурчики! — и схватил с тарелки сразу два мятых-перемятых. — И какой русский не любит... солёненького! А рассольчик? Вылили? Как вылили?! А чем же мы утром опохмеляться будем?

— Мы че, алкаши? — гневно пожала плечами хозяйка. — Нам с Вовкой в десять — на самолёт! — и уже по-деловому объяснила: — Рассол скис. Еле огурцы отходила! Счас всё мгновенно скисает и тухнет. Химия!

— Ну да! — воздвигся над столом двоюродный брат, детина лет тридцати с загривком циркового борца. — Коммунизм, бля, есть советская власть плюс... эта,

бля...электри...фикция, коллективизация и химизация усей страны! Ура товарищи!

— Поэтому страна и киснет со страшной силой, — охотно добавил муж Ольги и чокнулся с двоюродным братом, — как эти, бля, огурцы!

— Боже мой! — искренне вздохнула жена двоюродного брата, немножко похожая на обеспеченную девушку времен нэпа. — Как, однако, терпелив русский народ! Просто жуть берет! С таким народом советская власть — бессмертна! С четырех часов занимают очередь за молоком, пишут на руках химическим карандашом номера, как в концлагере. Через два часа им говорят, мол, молока не будет, приходите, мол, завтра! И знаете, че они, идиоты, спрашивают у продавца? Будут ли завтра действительны сегодняшние номера!

— А винный бунт на Комсомольском? Забыли?

— Так то ж- винный!

— Ну че, родственнички! — зевнула хозяйка. — За советскую власть пить уже поздно! За Михал Сергеича рано! Тогда — колитесь, зачем пришли! А то я засну прямо на стуле и мордой — в эти огурцы!

И тут в комнату важно вошёл ротвейлер. По-видимому ему мешали спать «враждебные голоса». Он пробурчал что-то нечленораздельное

и резко отряхнулся. Затем подошёл к жене двоюродного брата и нехорошо оглядел ее с ног до головы. Жена ему явно не нравилась и он не скрывал это.

— Оль! — женщина нервно захихикала и поправила причёску. — Тебе не кажется, что у него ко мне какой-то нездоровый интерес? А почему он до сих пор не спит?

При этих словах Рекс грозно рыкнул и боднул её лобастой башкой.

— Рекс, фу! — закричала Ольга. — А ты не дрожи! Собаки этого не любят. Вы его разбудили, к тому же он ненавидит запах водки. Особенно от женщин.

— Я тоже! — расхохотался Иван. — Че ее нюхать! Заглотил и все дела!

Ротвейлер оглядел тяжеленным взглядом гостей и уже зло зарычал. Всем стало как-то не по себе.

— Рекс! На место! — прикрикнула Ольга. — Он нервничает. Я лучше отведу его в комнату.

— И запри за ним дверь! — посоветовал муж. — Так ему будет спокойней.

— Да-да-да! — хором поддержали его гости, переглянувшись. — Вот именно, запри! Нам нервные не нужны! Мы сами психи!

Когда Ольга вернулась, все доедали «Завтрак туриста».

— Заперла, — успокоила их Ольга. — Станный он какой-то сегодня. Как будто что-то чувствует...

— Чепуха! — скривилась жена двоюродного брата, подводя помадой губы. — Что может чувствовать бесчувственное животное!

— Ну не скажи! — перебил ее Иван. — Например, запах крови! Как всякий дикий зверь!

— Рекс вовсе не дикий! — возмутилась Ольга. — Вовка скажи! Он с детства не ест сырого мяса.

— А по нему и не скажешь! — ухмыльнулся Иван. — Настоящий африканский людоед! Попомните мое слово: он вас когда-нибудь порвет, как Кинг Берберовых. Слыхали?

— А то! — насупился муж Ольги. — Не лохи! Ну что у вас там? Только короче! Или всю ночь будем собаку обсуждать?

— Да не, — заерзал на стуле двоюродный брат, — собаку больше не будем. За глаза — нехорошо. А вы, господа, смотрели последние новости?

— Сёдни нет, а что?

— Что, что! Вы куда валюту засунули?

— Как всегда, а что?

— Тогда, считайте, ее у вас уже нет!

Глава 4

Тут хозяевам показалось, что потолок в зале густо покрылся зелёной плесенью, а теней на стенах стало больше, чем сидящих за столом. Да за такие новости послу раньше отрывали голову и заставляли самому нести ее на корм свиньям! Да чё ж это такое! Это ж все равно, как если бы во время взлёта стюардесса объявила по радио:

— Граждане пассажиры, наш самолет благополучно набрал заданую высоту. Командир и экипаж прощаются с вами!

— Не свисти! — муж Ольги врезал ребром ладони по краю стола. — У нас, как на дне это самой... Мариинской впадины! Так глубоко они не шмонают!

— Не шмонали, — сурово поправил его двоюродный брат. — А с завтрашнего дня будут! То есть — до трусов! А может, и глубже! Усёк?

— И баб?!

— Баб в первую очередь. На этом, говорят, особо Раиса Максимовна настаивала. Указ Президента: валюту искать невзирая на лица и половую принадлежность. Казна пуста, а капиталы утекают за границу!

— Вместе с мозгами! — подсказал Иван.

— Не бреш! Про мозги там ни хрена не сказано. Мозги — говно. Их в России хоть жопой жуй!

Двоюродный брат едва помещался на стуле и всё время норовил по-американски закинуть ноги на стол. Но они соскальзывали, и это его немного злило.

— А вот им! — истерически рассмеялась Ольга. — Не успеют! Я специально десять пар штанов натяну — самолёт ждать не будет!

— Не будет, — вмешалась в разговор жена двоюродного брата, — самолёт улетит строго по расписанию. Но без вас.

— Господи! — взмолилась Ольга. — И чё ж теперь делать?

— Чё делать, чё делать! — издевательски прохрюкал двоюродный брат. — А согласно Конституции СССР! Сколько там у нас баксов на душу дозволено? Во!

— Да че ж на это в Турции купишь-то? Хрен да маленько! А мы еще и в банке взяли, а там счетчик, как в такси! И у вас...

— Вот именно — и у нас, — закивали головами гости, явно напрягшиеся при слове «банк». — У всех! Брать — дело нехитрое!

— Не горюй! — двоюродный брат поднял вверх указательный, похожий на огромный свежий в зеленых пупырышках огурец, палец. — Для того

и пришли в полночь-за полночь. А ещё впускать не хотела! В следующий раз... — он не договорил, слил в свою рюмку остатки водки из других рюмок и задумался. — Значит так, есть идея! Дельце-то — общее, поэтому даю установку на добро: все бабки, какие есть, сейчас отдайте ей!

Указательный, похожий на свежий огурец, палец уткнулся в грудь его жены.

— То есть? — близоруко прищурилась Ольга. — Какого хера? Она что ли полетит?

— Она повезет их в аэропорт.

— Неее поонял! — по глупому затянул Ольгин муж. — А мы?

— А вы пройдёте там контроль без бабок.

— И в Турцию — тоже без бабок? Ты слышал, Вовка? Ай да, родственнички! Чего удумали! Идея! Ах ты хрен моржовый!

— Дура! — презрительно матюкнулся двоюродный брат. — Контроль пройдёте без баксов, а на той стороне ты, сеструха, сразу бухайся на пол, в обморок там или истерику, а ты Вовка ори, что у неё сахарный диабет или астма, а все лекарства вы забыли у провожающих, то есть у ней. А без них — «скорую» позвать не успеете! Тебя Вовка выпустят обратно, а моя вместе с лекарством незаметно сунет тебе за пазуху баксы! Ну как идея?

— А если снова проверят?

— Ни в жисть!

— А если!

— С какого рожна? Уже ж проверяли!

— А так... из подлости!

— Ну если из подлости, тогда... — в раздумьи покачал головой двоюродный брат, — тогда точно — п-ц! На все случаи никакие презервативы... Тогда — Белый лебедь и десять лет без права переписки!

Глава 5

— Так, бриллиантовые! — Ольга, как привокзальная цыганка азартно тряхнула грудями и звонко хлопнула в ладоши. — Будем искать консенсус! Пейте, веселитесь, а мы с Вовкой на минуту вас покинем. Нам с товарищами надо посоветоваться! Вовка, за мной!

Через минуту с кухни слышались знакомые голоса, топот ног и звяканье посуды. Хозяйева в крайнем возбуждении металась из угла в угол и шептались, как на сцене театра, чтоб было слышно до последнего ряда. Время от времени они шипели друг на друга, призывая орать потише.

В зале Иван с тоской в который раз оглядывал пустые тарелки и рюмки, и от скуки гонял по столу хлебные шарики. Супруги же явно прислушивались

к доносившимся с кухни голосам, хмурясь и покусывая губы.

— Я им не верю! — неслось с кухни.

— Я тоже! Но они все же — родня, и потом...

— Родня? Чья родня? Че такое родня!

— Не ори! Да, он — мой кузен!

— Кузен — не брат!

— А кто же?

— Половинка! Четвертушка! Осьмушка! Вот кто!

— Все равно — родственник!

— А как... брат на брата! Знаааем!

— Когда это было!

— А хоть когда! Все повторяется, позолоченая! Всее повторяется!

— Но они ж нам тоже дали!

— Ага! Рубь с полтиной! А требуют все!

— И че ты предлагаешь? Не давать?

— Тссс! Прикуси язык! Там все слышно! Я сам с ними поговорю. Ты не лезь! Не бабье это дело! Ишь, приперлись, как... Кто ходит в гости по ночам, тот поступает мудро! Ворюги!

— Ну хорошо, хорошо! Как скажешь! Только ты уж с ними того... без рук! Чтоб все по-родственному! И то правда, бабки им дай! А у самих глаза так и бегают!

Когда хозяева вернулись в залу, они не заметили, что гости уже давно в курсе всего. В

природе вещей ничего не изменилось, и только глаза встретивших их были какие-то другие.

— Ну чё? — как ни в чем ни бывало, окликнул их двоюродный брат, ему удалось, наконец, закинуть одну ногу на стол, и он чувствовал себя победителем. — Нашли косенус? Чё, не нашли? А в мусорном ведре искали?

Вовка подтолкнул жену к стулу, поискал что-то глазами на столе, кажется, не нашёл, закурил сигарету, и уже решительно сел прямо напротив двоюродного брата. Как можно добродушной улыбнулся и сказал:

— Значит так, ребята! Спасибочки вам, конечно, за заботу, но мы уж как-нибудь своими силами. Сами, сами! Групповуха в таком деле... отягчающее обстоятельство. Вы чё! Это ж уже целый шпионский заговор против законной власти! Мы че с Олькой — пиночеты? А так, если чего... ну не знали, не досмотрели, не дочитали! Незнание, конечно, не освобождает... но снисхождение какое-никакое, думаю, будет. Первая, мол, ходка за рубеж и все такое! Олька, та под городскую дурочку закосит, а мне и косить не нужно: дебил до рождения. Словом, два бизнесмена-мудачка и — никакой политики! На этом экстренное собрание объявляю закрытым! Кто — куда, а я — на койку! На улицу мы вас, конечно, не погоним: родня всё же! Если хотите, Олька вам тут и постелит. Хоккей?

Мизинцем правой руки двоюродный брат аккуратно прочистил ухо и начал медленно вставать со стула. Глядя на него, сорвались и другие.

— Хм... ну чё ж, — не менее добродушно, чем ольгин муж, сказал он, наконец поднявшись во весь свой немеряный рост, — как говорится, было бы предложено. А предложено было! Вам, конечно, видней из подвала, чем нам с колокольни! Но мы не в обиде! Верно, ребятки? Какая там обида на двух... дебильных бизнесменов! А спать я привык дома. Такая, понимаешь, дурная привычка с рождения. Ну бывай!

Он резко шагнул навстречу олькиному мужу и протянул ему руку на прощанье. Но вместо того, чтобы пожать, Вовка судорожно обхватил ее двумя руками за кисть и замер, как будто в порыве невыразимой благодарности. Рот его разъехался в широчайшей улыбке. В следующее мгновение он буквально повис на могучей шее гостя.

— Ты че?! — изумилась Ольга. — Отпусти его немедленно! А то заревную!

— Ну вот! — восторженно отозвался Иван. — Начали за упокой, а кончили за здравье! Как в лучших домах... Любовь да и только! Эй, хлопцы, вы че это в натуре! При живых-то женах!

Двоюродный брат резко отдернул протянутую руку, и сразу же, тяжело охнув, Вовка свалился к его ногам.

— Ну вы, мужики, даете! — зажевывая слова, пробормотал Иван. — То обниматься, а то...

Теперь все пристально вглядывались в лежащее на полу тело, из-под которого во все стороны растекалась какая-то невообразимая лужа. Никто не смотрел на стоящего над ним двоюродного брата. Никто ничего не понимал или старался не понимать. Но все чувствовали, что вот-вот все поймут, что это неизбежно, и тогда... От этого становилось даже не страшно, а как-то жутко, как в черную ночь над ледяной прорубью.

— Вооов! — тихо-тихо позвала мужа Ольга, и словно забыв, что на дворе июнь добавила, — ты че, пол же холодный...

Иван, присев на корточки, попытался перевернуть Вовку на спину, но он не переворачивался. Тяжелое тело, словно прилипло к полу и выскользывало из рук. Наконец, ему это удалось.

Лицо Вовки всем показалось совершенно равнодушным. В широко открытых глазах застыло нескрываемое безразличие к тому, что с ним случилось.

Сам не зная зачем, Иван приподнял безжизненную голову, но и вид мокрой от еще

теплой крови белой рубахи, судя по всему, не произвел на Вовку никакого впечатления. Разве что губы слегка скривились в презрительной усмешке.

Ольга, закрыв ладонью рот, медленно опутилась на колени прямо в невообразимую лужу рядом с телом мужа. Долго, как слепая, ощупывала лицо, а затем сильно рванула рубаху на его груди.

Иван схватил за руку жену двоюродного брата и потянул ее к входу, но тот с криком «Куда! На место!» отбросил их к стене. Только теперь все увидели в его руке красное лезвие ножа. Женщина забилась в жестокой истерике, а Иван, показывая пальцем на остывающий труп, забубнил одно и то же:

— Вот так! Вот так! Раз и навсегда! Бывает... раз и навсегда! А че?

Двоюродный брат густо сплюнул себе под ноги и почти с удовольствием выкрикнул:

— Ссуки! Им, понимаешь, все, а нам — шиш! Обломитесь! Не пааародственному!

Потом подошёл к Ольге, легко подхватил ее подмышки и, подтащив к креслу, со всего размаху впечатал в него.

— Ну, че, сестренка, видала, видала! А?! Где баксы? Говори! Ну, говори же, падла! Я те не таможня! Я не до трусов... Я тя на изнанку выверну!

Ольга, по-детски морща вдруг отсыревшее лицо, молчала. Она слизывала слезы с губ, и очумело тарасилась на своего ужасного родственника.

Неожиданно он успокоился. Загадочно улыбнулся и двумя клещевидными пальцами повернул ее голову к себе лицом.

— Не плач, девчонка! — приплатнено пропел он. — Больше больно не будет! Я знаю, где бабки! В спальне! Верно? Иван, сходи!

— Ты че! — решительность дружка вернула Ивану природную наглость. — Сдурел! Там же этот... черный людоед! Забыл? Я че, кимикадзе косоглазая, в натуре! Я, бля, истинно русский... Пусть сходит сама. Ее он не съест.

— Давай-давай! — кузен пнул ногой сползшую с кресла на пол сестру. — Принесешь бабки, мы уйдем. Навсегда! Гадом буду — уйдем! Ментам утром скажешь, что был налет. Конкурирующая фирма там или рэкет! О нас ни слова! Иначе я тя, как Павлика Морозова родной дедушка! По-родственному! Раз и навсегда!

Ольга инстинктивно мазнула ладонью по лицу. Лицо пошло красными пятнами. Точно в таких же пятнах была ее кофточка и юбка, а ладони и колени багровели, словно обожженные.

Подталкиваемая кузеном, она подошла к двери в спальню. За все это время Ольга не сказала

ни слова, ни о чем не просила, не кричала и даже не плакала. Только часто-часто моргала, как обиженный насмерть ребенок.

За дверью спальни послышалось тяжелое, прерывистое дыхание разбуженного зверя. Ротвейлер почувствовал приближение людей и, скорее всего, уже вскочил со своей нагретой лежанки и встал в стойку. Что-то в удушливом хрипе второй раз за ночь взбудораженной собаки заставило всех напрячься. Двоюродный брат положил левую руку на ручку двери, а правой крепко ухватил Ольгу за локоть.

— Ты че, охренел! — заорал ему на ухо Иван. — Я же пошуткувал! Она же вся в крови, он ее порвет с порога! Ленка, скажи хоть ты ему!

— Коль! — только и успела сказать Лена, — не надо! Ну не надо же!..

— Не порвет, — поначалу не очень уверенно огрызнулся двоюродный брат, — он че, дикий? Из джунглей? Он, бля, домашняя скотина, ручная!

И вдруг в ярости зарычал:

— Тогда полезай сам! Ну! Я все понял! Они бабки под его подстилку подсунули. Чтоб до самого отъезда! У, суки! Эта их тварь пока жива никому не отдаст! Только ей! Пашла!

И приоткрыв дверь, пропихнул, словно задубевшую, Ольгу в теплую, влажную, слегка попахивающую псиной черноту. И сразу же

наглухо захлопнул дверь и придавил ее массивным плечом.

В спальне наступила кромешная тишина. Похоже человек и собака в темноте приглядывались и принюхивались друг к другу, впервые не узнавая один другого.

— Все хоккей! — сквозь стиснутые от напряжения зубы продавил двоюродный брат. — Счас они там разберутся. Собака, бля, друг или... кто?

И вдруг в спальне все затряслось, как в ознобе, наполнилось нарастающим бешеным ревом, грохотом и хрустом сшибаемой мебели и другими страшными и непонятными звуками сквозь которые едва пробивались отчаянные вопли обезумевшей женщины.

— Рекс! Стоять! Фу, фу! Ааааа! Дверь! Откройте же дверь! О боже! Люююди!!!

С утра во всех очередях только и говорили об убийстве на улице Сталеваров. Убийц задержали прямо на месте преступления. Соседи, поднятые среди ночи диким шумом за стеной, долго медлили с вызовом милиции, не желая ввязываться в чужие разборки, но звериный рев собаки и крики, разрываемой на части соседки, заставили их поторопиться.

В очередях одни сочувствовали «невинно убиенным», другие, многие, злорадствовали по

поводу смерти «проклятых мешочников», и только один дед, насупив седые вразлет брови, растерянно шамкал направо и налево:

— Это ж че деется-то? Брат на сестру — до крови! Так это ж че, снова гражданская война, что ли? Как тогда? А? Товарищи? А че ж брехали, что Советской власти п-ц? А? Жива стерва!

Глава 6

Столы Мокровы таки поставили на берегу. Уж очень хотелось удивить съехавшуюся со всей области родню. А че! Новая эра, Перестройка, брожение в умах, в смысле Гласности и Демократии, одним словом, кутерма, смутное время! И при всё при этом, прикажете открывать новый курортный сезон под крышей заурядной советской столовки? Так нет же! Только на берегу прославленного озера Кисегач, у самой воды, перед лицом, так сказать, дикой природы!

В смутное время в самый раз жить не по правилам, то есть, отчебучить чего-нибудь такое несусветное: по-русски запить без выходных, после этого, как Минин и Пожарский, взять штурмом Москву, устроить шикарный банкет на берегу лесного озера или, чего доброго, поймать золотую рыбку на ужин!

Насчет Москвы, конечно, перебор. С его-то, Мокрова, фамилией! А золотую рыбку — отчего же! Можно даже не одну, а на всю компанию, после шашлычков пойдет изумительно!

Гости съезжались весь день, и к вечеру, когда солнце наколовшись на верхушки елей и сосен, растеклось во весь горизонт, а вода в озере из золотистой и тягучей, как свежий мармелад, стала темно-синей и колючей, все столы, составленные по-старинному покоем на берегу озера Кисегач были густо облеплены родными, родичами, друзьями, друзьями друзей и просто малознакомыми, но, судя по всему, уважающими Мокровых людьми.

Пока гости рассаживались по своим местам, шум на пляже стоял такой, что чайки стали поспешно, как во время шторма, набирать высоту, а из какой-то далекой чащи раздался испуганный звериный рев, очень похожий на рев разбуженного в берлоге медведя, которого тут отродясь не было.

Сам же хозяин торжества, самодовольно оглядывал с таким трудом накрытые столы и полное собрание дорогих и не очень дорогих сердцу людей, и никак не мог понять, почему в смутное время кругом так много голодных, обиженных и попросту несчастных.

А ещё он думал, что все-таки здорово в эпоху неизвестно чего иметь такую по-цыганки огромную

и удачливую родню! Этакую чертову прорву! Что вот, кажется, у этих... евреев есть такой вроде бы дурацкий обычай приносить на могилу усопшего камешки, и у кого в результате куча камней окажется больше, тот... ну словом, самый-самый уважаемый еврейский покойник в мире!

Мысленно товарищ Мокров даже начал считать «своих» по головам, но скоро сбился со счета, и с гордостью прикинул, что если даже каждый из них принесет на его, Мокрова, могилку по камешку, куча малой не покажется!

А если принесут по рублю? — мелькнуло в разгоряченном мозгу, и от этого ярчайшего проблеска мысли директор «Родничка» даже присвистнул, хотя что же тогда могло произойти так и не сообразил.

А если не по рублю? Почему именно по рублю?! От возникшей перспективы у Мокрова натурально перехватило дух, но как всякий уважающий себя директор, он умел не позволять себе расслабляться на людях.

Народ уже потихоньку сходил с ума. Кому интересна теплая водка под остывшие шашлыки! Но когда все с детства приучены, без команды ничего не начинать: ни пить, не есть, ни стрелять, ни защищать родину! А команды все нет и нет, и командир, товарищ Мокров, чтоб он был так здоров! — с загадочной улыбкой уже полчаса

смотрит поверх голов куда-то в самый дальний угол озера, как будто разглядел там конец жизни каждого из присутствующих!

— Просим, просим! — заскандировали самые нетерпеливые. — Даем слово!

И лишь тогда товариш Мокров легонько постучал общепитовской вилкой по уже откупоренной бутылке водки, прислушался к ее малиновому звону и произнес знакомые всем с детства слова с ударением на «я»:

— Я пригласил вас, господа!

Гости с удовольствием уставились на, в сущности, маленького, смешного человечка, в белой, зеркально отглаженной рубашке, со старомодными запонками на рукавах и крошечным пятнышком неизвестного происхождения (возможно, дырка от ордена!) на груди.

Так вот, и маленького и смешного, но почти полновластного хозяина этих мест, и, при всем при том, их родственника и где-то самого лучшего друга!

А товарищ Мокров поправил съехавшие на кончик носа в крупной стариковской оправе очки и поднял рюмку водки для первого тоста.

— Друзья мои! То есть, родные и близкие... так сказать!

Мокров слегка запутался и смущенно откашлявшись в кулак, в расстерянности пригубил

водку. К сожалению, гости поняли его буквально, и тоже пригубили. Кое-кто тут же пригубил и вторую, и, не закусывая, потянулся за третьей. Но Мокров железной рукой восстановил порядок.

— Товарищи! — строго окрикнул их директор базы отдыха, и всем стало ясно, что приглашены они сюда не только затем, чтобы, но и... — Товарищи! В это трудное и, как верно сказал Михал Сергеич, в некотором роде, судьбоносное время, когда все закрываются, мы... открываемся! У всех, понимаешь, кризис неплатежей, а у нас — новый сезон. Че был наш «Родничок» в годы застоя?

Гости тоскливо отставили в сторону полные рюмки и покорно приготовились дослушать застольный спич. А Мокров как будто обрел дар речи.

— Это был самый закрытый объект нашего суперзакрытого предприятия! Ну кто мог ко мне позвонить вот так просто-запросто? Секретарша генерального, да парткома, да профкома!

Мокров прислушался к собственным словам. Нет, кажется, ни чего лишнего, все в духе Гласности и Демократии, так сказать, все в самый раз!

— А теперь мы открыты для всех трудящихся без разбору, как... — мысль снова ускользнула от него, — как Челябинск-40! Во!

Последнее сравнение ему так понравилось, что он решил на нем и кончить. Вытер носовым платком густо вспотевший лоб и во второй раз поднял рюмку с водкой. Но вдруг от самых дальних столов, почти от самой воды, до него долетел чей-то голос, полный вопиющей обиды и непонимания:

— Макарыч! А пить-то за че? За «сороковку»?!

— Ах ты, черт! — Мокров от возбуждения аж привстал на цыпочки. — Действительно! Тост-то совсем похерил!

Уже повеселевшие гости снова испуганно встрепенулись.

— Значит так! Короче говоря, желаю, чтобы все вы перебывали у меня в «Родничке», так сказать, на законном основании. То есть, безо всякого там блата и телефонного права! За наличный расчет, так сказать! За трудовые ассигнации-с!

— Ага! — заволновались гости.

— Фиг тебе! Мы че их на станке печатаем?

— Мы че те, Якубовичи!

— Тогда уж лучше — по блату!

— Ты, Макарыч, сперва скажи, где у тя это долбаное Поле чудес! А уж мы его вдоль и поперек перекопаем-перероем!

— Ага! Каждую госточку земли перетрем-перемоем, а золотишко найдем!

— Найдем-найдем!

— Так это ж, братцы, уже второй тост! — не растерялся Мокров. — Одной, понимаешь, рюмкой — все дела не решишь! Поэтому, желаю, чтоб у всех было все и сразу!

С той же загадочной улыбкой, с которой он только что смотрел вдаль, Мокров окинул уже изрядно разгулявшуюся за его счет компанию, и, как всегда жестко, по-большевистки, повторил:

— Сразу и все!

Глава 7

Было уже далеко за полночь, когда за столами на медленно остывающем после дневного зноя пляже остались только Мокров и самые близкие его родичи. Остальные — кто пошёл спать в отведенные ему до утра апартаменты в самом престижном центральном четырехэтажном корпусе, кто в поисках счастья побрел наугад по запутанным лесным тропинкам, уводящим неизвестно куда, то ли к Ильменскому заповеднику, то ли к необозначенному на карте безымянному болоту.

Кому-то до смерти захотелось искупаться в ночном Кисигаче, но уже раздевшись и подойдя к краю воды, он вдруг ощущал жуткую оторопь от

черной засасывающей бездны, едва слышно плещущейся у самых ног — страшного сгустка влаги, леса и космического пространства.

В зависимости от количества съеденного, а в особенности выпитого, все гости чувствовали себя, кто грешниками, кто святыми, а кто и просто навсегда потерянными во мраке смутного времени. Хотелось искренне любить, жалеть и ублажать только самого себя.

Как кому-то искупаться в Кисигаче, Мокрову до смерти захотелось спать. Но, кажется, кум, а может, и не кум, кто теперь мог за то поручиться, так вот, кажется, кум завел прелюбопытный разговор о недавнем убийстве депутата Верховного Совета СССР, директора Сосновской птицефабрики Лежнева, и Мокров решил немного пообождать.

Со стороны железнодорожной станции то и дело слышался нарастающий грохот приближающегося состава. Грохот был глухой, породил смутные желания, и больше походил на непрерывные раскаты далекого грома. Хотя... может быть, и вправду, приближалась гроза, а станция была нелюдима и поезда давно позабыли туда дорогу. А может не было ни железнодорожной станции, ни грозы, а громыхало и ухало в воспленных мозгах собравшихся по случаю людей.

Как бы то ни было, но, кажется, кум, запалив древнюю, глиняную, с длиннющим изогнутым чубуком трубку, вдруг проскрипел:

— Ну вот, плакали наши курочки! Нет Лежнева — нет курей!

— Вот именно, — сокрушенно вздохнул Мокров, — а мне так хотелось побаловать вас, так сказать, цыплятками-табака! Теперь не дождетесь! И чем, скажите, будет заниматься наш предисполкома товарищ Сумин, если птицефабрика закроется? Ведь куры сегодня — это ж валюта!

И прищурившись в сторону кума, спросил:

— Послушай-ка, дарагой, так говорят, это ты первый нашел его на пороге его же дома? А он был того... еще живой?

— Да нет! Мертвее не бывает! Вы че, видели живых с дыркой во лбу?

Кум низко наклонил голову и прошептал, как страшную тайну:

— А на груди — листовка пришпилина!

— Какая листовка? — подались вперед родичи.

— Обыкновенная, с выборов! Помните, «Голосуйте за Лежнева! Лежнев — это куры!»

От последних слов все ощутили себя брошенными на самую середину озера, в кромешную тьму.

— Кто бы мог подумать! Убить депутата Верховного Совета СССР! И за че? За каких-то курей!

— А вы хотели бы, чтоб за бабки? — молодецки хохотнул почти невидимый за столом старичок, которого Мокров знал, как своего троюродного дядю. — Это ж на Диком Западе — режут за бабки! Потому что — звериный оскал этого самого... капитализма! А у нас че? Социализм с человеческим лицом! Значит, бьют за курей, и еще черт зна за че, по бартеру! То есть, по-людски!

Дед довольно облизнулся и уж совсем гнусно хихикнул:

— У кого че есть, за то и убьют! Ясно?

Никто не понял, шутит он или сошел с ума. Теперь все было непонятно. Поди вспомни, зачем они тут собрались! Домового ли хоронят, ведьму ль замуж... Точь-в-точь как на поминках, когда после третьей уже зубоскалят над покойником, а после четвертой кое-кто по ошибке даже пытается утешить вдову. Нет, пожалуй, здесь было все наоборот: собрались повеселиться и вдруг захотелось напугать друг друга до смерти!

— Чушь! — возмутился Мокров, тщетно пытаясь разглядеть в темноте троюродного дядю. — За баксы тоже могут, так сказать... Еще как могут! Лежнев, Лежнев! А про

Астаховых-челноков не слышали? Всю семью — под корень! Вместе с собакой!

— С какой собакой! — оживились гости. — Собака сама того... их же и задрала! Людоед!

— Ну да! Конечно! И хозяев и воров! С голодухи!

— Так у нее же, стервы, под ковриком те баксы и хранились! Была команда: стоять насмерть! Вот она и стояла! Вся комната, брешут, от крови почернела, как после пожара!

— А баксы?

— Че баксы? Баксы менты с пожарниками поделили. Не с собакой же! За работу! Государство им по полгода не платит. Они теперь, как все — на хозрасчете! А самое-то страшное слышали?

Зашаркали сдвигаемые к центру стулья. Слушать самое страшное в одиночку никто не хотел. И правильно! От того, что услышали, стало, действительно, жутко.

— Убивали-то хозяев свои!

— Как свои?

— А так! Сплошь — кровная родня! Мать ее без разбору!

— Не может быть!

— Че не может-то! Еще хорошо, что детей в доме не было. Родители их перед Турцией в пионерлагерь спихнули. Повезло!

— Поооовезло! Это точно! С утра — одни на всем божьем свете!

— Да детей-то эти ироды, поди, и не тронули бы! Они че ж, не русские че ли?!

— Почему это — не русские! — Мокров снял очки и, закусив дужку, долго вглядывался в смутные силуэты окружавших его лиц. — Как че, так сразу — не русские! А русские че, не люди? — неожиданно с обидой закричал он. — У них че, все не как у людей?

— А челноки, между прочим, запихивают баксы в трусы своих детей! — бесцеремонно перебил его кто-то. — Так таможенники их не трогают!

— Таможжженники! — уже почти со злобой перебил перебившего его Мокров, и, подумав, неизвестно к чему добавил: — У, христопродавцы! Креста на них нет!

Потом, нацепив на нос очки, уже уверенно подвел черту под разговором:

— Не, мальцов они не тронули бы! Это точно! Родственники все же! А вы бы тронули? А?! Ну вот! Я же говорю!

Глава 8

С детства Надежда Викторовна твердо знала, что обещанное всему народу светлое будущее

лично ей никак не светит. Она постоянно разочаровывалась в себе, и даже ее многообещающее имя казалось ей сплошным издевательством.

— Скажите пожалуйста, — глядя в зеркало спрашивала она себя, — каково жить с таким именем, когда надеяться абсолютно не на что?

Зеркало было еще от прабабушки, старорежимное, в тяжелой чуть ли не чугунной раме, с трещиной по диагонали, к тому же всегда немножко грязновато, отчего отражение в нем приобретало зловещую двойственность. Но Коробейниковой, как ни странно, зеркало нравилось именно этим. Оно в точности отражало вечную раздвоенность ее, в общем-то, непростой души и фатальную безнадегу.

А то, что душа ее раздвоена, как язык гремучей змеи, Надежда Викторовна поняла ещё в глубокой юности, когда подолгу смотрела на несущиеся мимо нее по шоссе машины. При этом ей мучительно хотелось знать, что будет, если нажать на газ и тормоз одновременно.

Появление на телеэкране загадочных, нечеловечески огромных букв «МММ» под сатанинский рев перегретого чайника рассекло душу Коробейниковой на две неравные части: куда все же пойти, если идти абсолютно некуда?

И хотя ей безумно хотелось выпить чаю с ванильными сухариками и вместе с Аланом Чумаком зарядить очередную банку с пахнущей хлоркой водой, Надежда Викторовна не сделала ни того ни другого. В последний момент она вспомнила, что только вчера вечером в угловом гастрономе именно на ней кончились ее любимые ванильные сухарики, за которыми она простояла в очереди полтора часа и готова была стоять до утра. А кроме сухариков и замороженных пельменей по талонам брать там было нечего.

Воспоминания, связанные с Чумаком, оказались ещё трагичнее. Дело в том, что ее бабушка по совету вечно пьяной соседки поначалу лечила себя серебряной водой, а затем накупила на рынке то ли овечьей, то ли коровьей вонючей пахты. От серебряной воды ее колит только усиливался, а после прокисшей пахты она попала в больницу с циррозом печени, от чего на восемьдесят пятом году жизни благополучно скончалась с посмертным диагнозом рак желудка. О циррозе же ещё бабке по секрету сообщила знакомая медсестра. Почему врачи решили похоронить ее с другим диагнозом, можно было только догадываться. Вполне возможно, что план по смертности из-за цирроза больница уже выполнила. Как бы то ни было, с Чумаком тоже не срослось.

Хотя дождь не предвиделся, Коробейникова прихватила с собой старенький зонтик, и так, с дамской сумочкой через плечо и зонтиком под мышкой проскочила сперва мимо открытых настежь ворот колхозного рынка, а затем каким-то несусветным, заставленным металлическими гаражами и переполненными мусорными баками, переулком — прямиком на проспект Ленина. Напротив, во всю ширь единственной в городе высотки развернулся новый рекламный щит: «Страховая компания АСКО — первая и последняя цель вашей жизни!»

— Ишь ты — первая и последняя! — испуганно, как от наваждения, отмахнулась Надежда Викторовна. — А зарплата?

Она презрительно прищурилась, но было уже поздно: приторный яд рекламы проник в ее сердце и мозг и пропитал их насквозь.

— А че, — болезненно скривилась Коробейникова, — конечно, первая и последняя! Причем тут зарплата?!

Осталось придумать, что бы такое застраховать. Но как не вглядывалась Надежда Викторовна в свою немудрящую жизнь, ничего достойного страхования она не обнаружила. Разве что — саму жизнь! Как сделал это, один бедняга в каком-то иностранном романе. Но чтобы это сделать, нужно было, как минимум сперва получить

зарплату! А кто ж ей ее даст, если весь ее ордена Ленина танковый завод уже третий год трудится за интерес, а недавно Горбачеву доложили, что от золотого запаса страны не осталось даже золотой пыли!

В растерянности Коробейникова остановилась и жалобно посмотрела на небо в ожидании благой вести, но небо было по-прежнему безоблачно, и значит, зонтик подмышкой был по-прежнему не нужен.

— Скажите пожалуйста! — отчаянно тряхнула головой сбитая с толку женщина и со злости нажала на кнопку зонтика, который тут же с оглушительным треском раскрылся. — Да что же это такое! Ведь если мне нечего застраховать в этой проклятой АСКО, значит и жить совершенно незачем! Но это же...

От непереносимой обиды Надежда Викторовна бросилась в подземный переход, но на третьей же ступеньке зацепила раскрытым зонтиком проходящего мимо пешехода, выпустила из рук зонт и все быстрее и быстрее, едва касаясь скользких мраморных ступенек, понеслась вниз.

Еще на середине лестницы она уже отчетливо представила себе, как в последний момент, зацепившись ногой за ногу, рухнет на шершавый заплыванный кафельный пол, проедет по нему пару метров, разрывая в клочья колени, руки, лицо и...

что? И все! Цель достигнута: первая и, скорее всего, последняя! И даже без всякой страховки. Больше спешить будет некуда, и незачем завтра идти в суд за зарплатой. Дальше все за нее будут делать другие! И какая-нибудь бабка, которую Надежда Викторовна увидела особенно ясно, склонившись над ней прошамкает беззубым ртом:

— Эх, как тебя Господь-то... приземлил!
Безнадегу-то!

Глава 9

Очевидно Надежда Викторовна была хреновой провидицей, потому что пересчитав все мраморные ступеньки сверху донизу, она не пропахала холодный кафельный пол, а уткнулась носом во что-то упругое и теплое.

Еще не успев поверить в чудесное спасение, она услышала над собой голос, подобный камнепаду в горах:

— Че ж это ты, жэнщина, с утра на головы людям падаишь, а? Паастарожней нада! Чужие лестницы круты, да?!

И такой голос и слова после всего, что случилось, не могли принадлежать простому смертному, и, от природы скромная безбожница, Надежда Викторовна от ужаса начала медленно оседать вниз. Но тут же почувствовала, что даже

упасть в обморок ей вряд ли удастся: чьи-то страшные руки крепко удерживали ее на весу. Едва касаясь кончиками носков пола, Коробейникова полностью отдалась во власть Всевышнего.

Потом ее слегка встряхнули, взлохматили, и, наверное, дали бы пинка под зад — и все это безусловно пошло бы ей на пользу — но в последний момент она окончательно пришла в себя и увидела, что стоит у столика с лотерейными билетами, а руки, облапившие ее, принадлежат продавцу этих билетов — то есть лицу явно кавказкой национальности, с шестигранным, как огромная гайка, золотым перстнем-печаткой, как будто навинченным на толстенный, похожий на болт, палец. Такой же толщины золотая цепь болталась на загорелой, масляной шее.

Зубы «лица» тоже были сплошь золотые и сверкали, словно надраеный морской колокол. «Лицо» добродушно скалило свои драгоценные зубы, каждый из которых был раз в десять дороже ее месячной зарплаты, и очень может быть, из бесследно исчезнувшего золотого запаса страны.

— Ну че, дэушка-красавица, — ласково потрепал ее по щеке золотой самородок, — раз уж на меня упала, купи билэтик на счастье!

Надежда Викторовна огляделась по сторонам. Подземный переход был так плотно забит людьми, что они казались неподвижными. Недавно

появившиеся кооперативные киоски, с массивными металлическими решетками и крохотными окошечками вместо прилавка несмотря на импортные наклейки и прочую разноцветную мишуру смотрелись мрачно, по-тюремному устрашающе.

Случалось, что по ночам в окошко вместо денежки влезал холодный ствол пистолета или обреза. А киоски особо непокорных кооперативщиков неизвестные в масках и без обливали бензином и поджигали, иногда прямо на глазах изумленной публики. Но кооперативщики не сдавались и всем смертям назло круглосуточно торговали самым лучшим заменителем традиционного продовольствия — сникерсом и подозрительного цвета и вкуса «фирменной» водкой и джином. А бывало, что навстречу стволу рэкетира из окошка точно такой же ствол открывал огонь без предупреждения.

Рядом с лотерейными билетами не очень молодой поэт продавал «самиздат» — крошечный сборник стихов под интригующим названием «Время есть!». Все, что касалось еды, людей интересовало сугубо, сборник шел хорошо.

Почти прижатый к стене паренек, пытался на одной ноге танцевать брейк. На стене углем, масляной краской, мелом и чем-то очень похожим на кровь были запечатлены мысли и чувства

граждан перестроечной эпохи. От «Коммуняков к ответу!» до «Бей жидов — спасай...» — дальше неразборчиво.

Следы чьих-то голых ног по стенке перебирались на потолок, пересекали переход и исчезали как призраки.

— Скажите пожалуйста! — нервно улыбнулась Коробейникова, потихоньку высвобождаясь из дружеских объятий. — Купить у вас лотерейку? Но я никогда не покупаю лотерейных билетов!

— Пачаму? — искренне удивился продавец. — Может, ты чем бална? Или вэра не позволяет? Вэра, Надэжда, Либовь,! Да? А как же ты тогда узнаешь, счастливая ты дурочка, или так? Слушай, на рупь седня не выпьешь и не закусишь, а вдруг ты выиграшь автамабиль, а? Представляшь, за рупь — автамаобиль!

— А если я проиграю! — возмутилась Надежда Викторовна.

Ее все больше бесила эта печатка, цепь, а главное, эти величиной с ноготь золотые зубы! Какая наглость в такое тяжелое для всей страны время иметь полный рот таких зубов!

— Нэ проиграшь! — мгновенно развеселилось «лицо». — Это — бэзпроиграшная лотерея! Два в одной! Слыхала? Праигрывать ты — выигрывает

гасударство! Ты — патриотка или не патриотка, в конце концов?!

— Я? — почему-то снова испугалась Надежда Викторовна и глубоко задумалась.

Вопрос был из того совсем недалекого, но уже немного позабытого прошлого, когда он заставлял вибрировать душу каждого советского человека, выворачивал ее наизнанку, а затем выплевывал, как погасший окурок...

— Я — патриот! Конечно, патриот! А кто же!

И совсем уж потеряв самообладание, истерично крикнула?

— А вы?

Толстый лотерейщик пропустил мимо ушей последний вопль Надежды Викторовны и обрадовано затряс головой.

— Маладэц! Настоящий русски женщина! Джыгит! А если патриот, купи савсэм малюсенький лотерейный билетик! Страна, панимашь, гибнет! Савсэм загибается! Памаги стране! Слушай, ты за мужем, нэт? Тогда бери и за мужа! А то абидится, панимашь! Ты, мол, патриот, а он че? Ишак, да?!

— С чего это вы взяли! Конечно, не замужем! На одну-то зарплату!

Продавец, не слушая ее, взял со столика толстую пачку лотерейных билетов и протянул Коробейниковой.

— На, тяни! И за мужа тоже! Ничаво! Мэнше пить будет! Верно? И за дытей! Дэти тоже люди! Да?!

— Нет, нет! Я не играю в азартные игры с гасударством! — замахала руками Надежда Викторовна, повторяя известную каждому советскому человеку поговорку.

— Зачэм с гасударством! — горячо зашептал толстяк, тыча ей в лицо пачку билетов. — Кто тэбе такое сказал? Твоя папа, мама, может муж соседки? Вай-вай! Со мной сыграй, дарагая! Я эти билеты у гасударства все купил! Они мои! Со мной можна, да?!

Совсем затурканая Надежда Викторовна вытянула из пачки два новеньких, свернутых вчетверо и пробитых скрепкой хрустящих билетика. Не разворачивая, сунула их в сумочку.

Получив от неё десятку, продавец также привычно засунул ее в карман брюк, недоуменно окинул взглядом терпеливо ждущую сдачу русскую бабу и вежливо спросил:

— Че-то не так, красавица? Иль панравился тебе? тада пашли в ресторан, да? Я угощаю! Цыпленки там табака хочешь или уральский пельмень? Тебе с лосятиной или с медвежатиной? Че хочешь гавари, не стисняйсь! Ты ж уже свой гражданский долг выполнила, да? А может павтарить жалаешь? Пажжалуйста!

Коробейникова уже повернулась к нему спиной, когда он своей медвежьей лапой ухватил ее за подол юбки.

— Ишак! Забыл спросить, как тебя, дэушка, завут!

— Надежда! — машинально отмахнулась Надежда Викторовна и тут же встревожилась. — А вам зачем?

— Ну так, для порядку! На-де-жда! — смакуя каждый звук русского имени, пропел продавец. — Прима, прима!

— Почему это — прима? — остолбенела Надежда Викторовна, почувствовав в этом слове какой-то скрытый намек.

— Я гаварю, прима, мол, вэщь, как залатой ключик! На-де-жда — при-ма! Так слаще, лучшэ! Как в кино!

Решив, что несчастная русская его не понимает, он схватил со столика картонку и крупно написал на ней химическим карандашом: Надежда-прима!

И сунул картонку в руки Надежды Викторовны.

— На бери! От меня! Бэсплатно! На память!